

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ

Современное состояние военно-политической обстановки (далее – ВПО) вокруг Республики Беларусь характеризуется постоянным нарастанием интенсивности и динамичности процессов, связанных с использованием различных форм давления и насильственных действий в отношении государства. В мире обострилась борьба государств (коалиций государств) за лидирующие позиции, контроль над рынками и сырьевыми ресурсами. Стремление геополитических центров силы к расширению зон своего стратегического влияния привело к ущемлению и блокированию интересов других государств, провоцированию напряженности. Это способствовало усилению межгосударственных противоречий, нарастанию как внутренних, так и внешних военных опасностей, способных трансформироваться в военные угрозы государству и военные конфликты различной интенсивности.

Выстраивание и развитие архитектуры многополярного мироустройства наряду с активизацией интеграционных процессов и становлением новых геополитических центров силы сопровождаются усилением национального, этнического и религиозного экстремизма, сепаратизма, ведущих к появлению негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, что существенно затрудняет понимание возможных сценариев развития конфликтов, в том числе и военных.

Анализ потенциальных типов военных конфликтов, которые могут быть развязаны или в которые может быть вовлечена Республика Беларусь, а также сущностное определение характера и особенностей перспективной войны, является целью исследования. Решение данной задачи позволит ответить на жизненно важные вопросы развития военной сферы национальной безопасности: с какими возможными типами и сценариями военных конфликтов предстоит встретиться Беларуси в перспективе, и каковы пути подготовки всего государственного организма в интересах безопасного будущего.

Война трактуется как «социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами. Для достижения поставленных целей в современной войне применяются политические, экономические,

идеологические, военные и другие насильственные и ненасильственные средства и соответствующие им формы борьбы» [1, ст. 4].

В современных условиях наметилась тенденция трансформации содержания войны: она переходит от классической (традиционной) к неклассической (нетрадиционной). Напомним, что *сущностным признаком войны выступает политика и вооруженная борьба*. Речь идет о классическом подходе. В межгосударственном противоборстве активно используются различные способы и формы насильственных действий в отношении суверенных государств, не вписывающихся в парадигму классической войны. Подчеркнем, что *сущность войны осталась неизменной – это политика*. А вот вооруженное противоборство в определенной степени отодвигается на второй план и становится своеобразным страховочным элементом сложного феномена войны. Этот переход аналитики и именуют неклассической парадигмой войны. Стоит отметить, что в Военной доктрине Республики Беларусь, несмотря на отсутствие такого термина, данная тенденция учтена. Это зафиксировано в самой категории «война».

Кратко рассмотрим феномен неклассической или нетрадиционной (новой) войны на основе научных разработок. Обратимся к монографии профессора И. В. Понкина, который выделяет: концепты преэмптивной, гибридной и малой войны, а также концепт «постправды» в неклассической войне и технологию «мягкой силы» как инструмент разрушения государства [2].

Указанный автор, применительно к межгосударственным и международным отношениям, к сферам государственной внешней политики, сферам государственных переворотов, войн и военных конфликтов, пишет, что *преэмпция* – «это концепт (подход, метод) и мотив (оправдание и объяснение) самостоятельных активных прекурсивно-упреждающих и опережающих действий в отношении антагониста (котрагента, противника, жертвы, цели) – объекта приложения таких действий» [2, с. 10]. Преэмпция предполагает «упреждение и пресечение сколько-нибудь эффективных возможностей (государства-объекта, государства-жертвы) в будущем защищаться от запланированных агрессивных в отношении него действий со стороны государства-актора» [2, с. 11]. Преэмптивные действия всегда асимметричны, неадекватны и безнравственны.

В современных международных отношениях активно используется насилие в виде гибридной агрессии. В научном сообществе нет однозначного определения данного термина. По мнению И. В. Понкина, *гибридная война* – это «концепт (идеология, логика, философия, а равно соответствующие стратегия, тактика и форма) агрессивных враждебных действий государства-актора (преимущественно без

классического открытого применения военной силы, без военного вторжения, хотя и, возможно, с сохранением и артикулированием военной угрозы), направленных на подавление, ослабление, дестабилизацию и/или уничтожение государства-жертвы, перехват управления в нем (перевод под внешнее управление) или создание временного безвластия в нем, разрушение его суверенитета и публичного порядка, нанесение ему существенного урона в живой силе, экологии, военно-промышленном или культурно-мировоззренческом потенциале, в духовном состоянии людских ресурсов и т.д.)» [2, с. 26]. Гибридная агрессия сегодня наиболее привлекательна и активно используется западными стратегами в отношении суверенных государств. Фундаментальное ее рассмотрение в отношении России провел профессор И. Н. Панарин в своей книге «Гибридная война: теория и практика» [3].

Что касается малой войны, то это «штатный инструментарий» военной политики США, которые за последние 117 лет провели 69 военных компаний практически во всех уголках планеты, а также Великобритании (из существовавших на 2012 год стран только 22 не испытали на себе вторжения или иных форм агрессии с ее стороны) [2, с. 37]. Итак, *малая война* – это «реализуемые регулярными войсковыми подразделениями и соединениями государств, и/или иррегулярными (в том числе частными военными компаниями) подразделениями (аффилированными с государствами или нет) и/или террористическими организациями нерегулярные боевые действия (в том числе диверсионного типа) в рамках асимметричного военного конфликта относительно малой интенсивности или существенной интенсивности, но при условии локализации в пределах малой территории (тетра военных действий, преимущественно без определенных линий фронта) и/или в форме всплесков боевой активности в течение коротких периодов времени (возможно, в пределах одного дня, но не разовая военная стычка)» [2, с. 42].

По мнению экспертов, малые войны будут активно использоваться в будущем.

В международных отношениях в рамках международного гуманитарного права сложнее использовать жесткую военную силу. Поэтому для достижения своих стратегических целей агрессор может использовать «мягкую силу». Несмотря на объемность определения, достаточно четко определена сущность данного насилия в позиции И. В. Понкина: «*Мягкая сила* как инструментальная система представляет собой совокупность институциональных, проектно-идеологических, международно-правовых, организационных, финансовых, информационно-пропагандистских, разведывательных и дру-

гих механизмов проектирования, алгоритмизации, реализации, обеспечения и контроля процессов дисфункционализации и избирательно-го или тотального разрушения другого суверенного государства (государства-объекта) в целях трансформации этого государства в дисфункциональное, несостоятельное («упавшее»), полного его уничтожения в границах бывшей территории либо принудительной его трансформации в субмиссивные формы с существенно редуцированным или полностью утраченным суверенитетом, а также для достижения иных целей в интересах государства-актора» [2, с. 61].

Вместе с «мягкой силой» активно используется технология «умной силы». Использование в отношении государства технологии «мягкой силы» может интерпретироваться как проведение в отношении государства-объекта необъявленной войны (преэмптивной войны).

В современном насилии активно используется технология *постправды*. «Это парадигма искусственного впадения в правдивую информацию заведомо ложных сведений (прямых инвектив или сведений, призванных обосновать либо подкрепить другие инвективы), интерференционно интегрируемых в разных степенях кодирования коммуникативных сигналов, в обработке с помощью различных методов манипулирования сознанием и восприятием адресата» [2, с. 83]. Можно говорить, что это тип коммуникации, включающий ложь в наиболее циничных формах, связанных с идеологически мотивированным отрицанием неопровержимых фактов. Закономерно, что анализ ВПО вокруг Союзного государства фиксирует один из негативных факторов: «попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов» [4, ст. 7]. Яркий пример – трансформация Западом постсоветской Украины.

Указанные выше формы насилия в обозримом будущем будут активно использоваться в международных отношениях. В интересах обороны они требуют комплексной подготовки не только силового блока, но и всей системы безопасности и государственного организма.

Отметим также, что в современном противоборстве важнейшее место отводится информационным войнам. Это важнейший элемент современного насилия и общая черта современных военных конфликтов. В Военной доктрине Союзного государства отмечается «определяющее значение информационной сферы в противоборстве на всех стадиях развития военного конфликта и после завершения его активной фазы» [4, ст. 9].

Известный эксперт в сфере информационной войны – профессор А. В. Манойло отмечает, «*информационная война* – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия» [5, с. 75]. Она состоит из последовательности информационных операций, которые объединены единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. Ее цель – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Идеальный результат информационной войны в том, что противник добровольно подчиняется воле агрессора, признавая его превосходство и принимая его ценностные ориентиры. Происходит демонтаж сознания социума, которому способствует применяемое информационное оружие.

Рассматривая неклассические войны, профессор С. М. Иншаков обращает внимание на повышение интеллектуализации насилия и дальнейшее развитие способов подчинения воли противника своей. К числу наиболее активно используемых форм гибридной войны им отнесены: преэмптивная, информационная, сетевая, кибервойна, экономическая, коррупционная, террористическая, спортивная, темная [6, с. 118]. Это далеко не полный перечень форм неклассического насилия, которые модифицируются.

Цель постоянного мониторинга и анализа любых форм насилия заключается в том, что жизненно важно выявлять потенциальные угрозы национальной безопасности. Стоит также учитывать, что соотношение силовых и несиловых способов борьбы, по мнению начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В. В. Герасимова, составляет 1:4 в пользу последних.

Отметим, что в западных подходах к противоборству традиционным является соединение трех терминов – агрессия, война и воля. *В англо-саксонской традиции война не обязательно связана с применением летального оружия.* Западные стратеги следуют за классиком военной мысли К. Клаузевицем: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Они не проводят между войной и миром четкой грани и все чаще уходят от термина «война», заменяя ее такими понятиями, как «конфликт», «противоборство», «противостояние» и т. п.

Разделяем позицию член-корреспондента АВН А. А. Бартоша, что принципиально важно обратить внимание на теорию и практику противоборства в «серой зоне», понимаемое как состояние социума, которое балансирует между войной и миром. Как отмечает эксперт, «методы, используемые в СЗ, представляют собой уникальные комбинации способов запугивания, принуждения и агрессии, которые по-

этапно, шаг за шагом используют для подавления сопротивления, завоевания локальных или региональных преимуществ и манипулирования рисками в свою пользу. ... СЗ представляет собой новое пространство между традиционными концепциями войны и мира» [7, с. 49].

Таким образом, неклассическая война, используя ограниченное применение военной силы, способна решать стратегические задачи насильственного контроля государств и является ведущей тенденцией современного противоборства. Решение проблем, связанных с дальнейшим ее изучением составляет важнейшую научную и практическую задачу, новое поле для профессионального образования как гражданских, так и военных управленцев в интересах безопасности государства, общества, личности и войск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военная доктрина Республики Беларусь. Утверждена Законом Республики Беларусь 20.07.2016 г. № 412-3.

2. Понкин, И. В. Неклассические войны: монография / И. В. Понкин. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 87 с.

3. Военная доктрина Союзного государства. Утверждена постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства 4.11.2021 г. № 5.

4. Панарин, И. Н. Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.

5. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию / А. В. Манойло. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.

6. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности: монография / С. М. Иншаков. – М.: РУ-САЙНС, 2021. – 306 с.

7. Бартош, А. А. Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.